

ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН

Тосты Чеширского кота

Евгений Бабушкин

Тосты Чеширского кота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24861473

ISBN 9785448543531

Аннотация

Евгения Бабушкина читать приятно, забавно и смешно! Гораздо приятнее, чем самим переживать то, о чём он пишет. Герои книги – внешне простые люди: отважные советские солдаты, храбрые израильские психиатры, весёлые и мрачные пациенты. Но в каждом скрыта своя изюминка, и вот её-то автор отлично умеет выковырять и разжевать. Поэтические откровения персонажей позволяют заглянуть в самую глубину их души. Стихи пронизаны тонкой иронией и юмором; заряд оптимизма Е. Бабушкина незаметно становится вашим!

Содержание

А для начала – тост	7
Полярное сияние	9
Пролог	9
1	11
2	17
3	25
4	30
5	43
6	54
7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Тосты Чеширского кота

Евгений Бабушкин

*Автор искренне благодарит Станислава
Салтанова и Татьяну Ковалеву-Bertilsson,
без которых эта книжка
просто не появилась бы никогда.*

Спасибо, друзья!

Иллюстратор Евгений Бабушкин

© Евгений Бабушкин, 2017

© Евгений Бабушкин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4353-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевод с иврита там, где это было необходимо
– Станислав Салтанов

Абсолютно все фамилии, прозвища, ситуации, исторические факты, координаты, географические названия и стихи вымышлены от начала до конца

В этой книге чего только нет. Солдаты советской армии, сумасшедшие, врачи, офицеры, поэты – это только то,

что касается профессий. Советский Союз, Россия, Израиль, Тикси, Беэр-Шева, Гонолулу, Нью-Йорк, Якутск – это то, что касается географии.

Всё в этом мире переплетено, скручено и часто оказывается ближе, чем должно было бы быть на самом деле. Поэтому любой человек на своем пути может оказаться неизвестно где, неизвестно почему и неизвестно как... И часто это бывает если не весело, то забавно, даже если и грустно...

Потому, что жизнь – это серьезно. Серьезно, но не очень...

Посвящается Елене Вайнер

Тосты Чеширского кота

А для начала – тост

Предисловия писать просто. Нужно немного напрячься и подумать о чем-то отвлечённом. Когда думаешь об отвлечённом, мысли начинают утекать в разных направлениях, и тут важно не сплеховать, ухватиться за первое слово и начать.

Каждый мужчина постоянно что-то должен. Построить дом, посадить дерево, родить сына и при этом постараться ничего не перепутать. Некоторые знатоки убеждены, что мужчина должен еще повоевать и посидеть в тюрьме, но это на любителя, мне кажется. Хотя постоянно проживая в этой стране, я понимаю, что приоритеты в любой момент могут быть расставлены иначе.

Некоторым, особо удачливым мужчинам, при этом, кто-то даёт дар рассказчика или поэта, а в особых случаях – соединяет эти две способности. И здесь следовало бы сразу вспомнить одно важное начало русской иронической литературы – медицину. А. П. Чехов, М. А. Булгаков, Г. И. Горин, А. М. Арканов своим творчеством доказали, что медик – это иногда литератор, а порою такой литератор, который уже и не медик вовсе.

И тут, возвращаясь к слову «должен», необходимо заметить, что литератор – медик (или медик-литератор, кому как нравится) обязательно должен издать книгу, должен настоль-

ко, что у некоторых не медиков возникает желание поучаствовать в этом.

Со стихами Евгения Бабушкина я знаком уже больше тридцати лет. Лет десять назад, видимо не оправившись от шока, связанного с возвращением на родину предков, он начал писать прозу. Очень хорошую прозу, надо сказать.

В этой книге опубликовано два замечательных произведения Е. Бабушкина под одной обложкой, так что вы теперь можете улыбнуться, удивиться и, уверен, получить удовольствие от чтения. А жизнь идет, приближаясь к середине. Но я верю, что впереди ждет еще немало радостного и удивительного, придут новые строчки и строфы...

Главное, чтобы хватило времени. Ну, так до ста двадцати! Лехаим!

СТАНИСЛАВ САЛТАНОВ

Полярное сияние

(Нелирическая поэма)

«...Сіе великое свѣченіе небесъ, именуемое Полярнымъ Сіяніемъ не къ добру, но къ худу разверзлось надъ нами. Упомянутое явленіе сѣверной природы згло смущаетъ умы нашегу оскудѣвшаго и безъ таго экипажу и помрачаетъ мысли, дѣлая ихъ безумными и наводя невыносимую тоску..».

*Капитанъ-командоръ Витусъ Ионассенъ Берингъ
...из дневника экспедиции, обнаруженнаго в последнем лагере на острове, впоследствии названном островом Беринга...*

Пролог

Любой человек, имеющий на своем компьютере программу «Google Earth», и окончивший школьный курс географии хотя бы на тройку, может в упомянутую программу ввести следующие координаты: 71.39'37 северной широты и 128.40'38 восточной долготы.

Взору наблюдателя откроются антенны, расположенные правильным кругом, а в центре этого круга – большое здание. Можно увидеть еще несколько строений чуть к югу.

Это – РПЦ. Учреждение, не имеющее ровным счетом никого отношения к Русской Православной церкви, но тоже немаловажное.

Место это называется «Радио-Пеленгационный Центр», он же – Первая Площадка. Единственная дорога ведет на юго-восток. Следуя по ней, можно вскоре добраться до Т-образного перекрестка и повернув налево, попасть километра через полтора в подобие настоящего поселка. Там имеется несколько двухэтажных сооружений жилого вида, домишки поменьше, склады и прочие необходимые для жизни строения. Это военная часть номер 141..5. Вокруг нее тундра. Чуть северней – побережье Ледовитого океана.

1

...Осенью 1983 года, Як-40 Туймадского авиапредприятия приземлился в небольшом аэропорту поселка Тикси, разметав реактивной струёй живой узор позёмки на полосе.

Команда призывников, тридцать восемнадцатилетних балбесов, дрожали от вчерашней обильной водки, выпитой на сборном пункте. Все тридцать, матом и легкими тычками, были проворно погружены в Газ-66, вахтовку, со строгим наказом не выпасть по дороге. Уже через час вся шайка этого штатского сброда, по выражению сопровождающего купца-майора, была сколочена в подобие военного строя возле КПП. Пара сержантов, изображая служебное усердие, покрикивали, матюгаясь деловито, но без особой злобы.

...Я стоял на правом фланге, постигая по мере сил, эту новую, мешком свалившуюся на меня жизнь. Еще неделю назад я шустрил санитаром в теплой вонючей перевязочной городской травматологии, а нынче колючие снежинки секли мою опухшую от проводин морду, и мутный мужик в военной форме кричал, чтобы я построился в колонну по четыре...

Сморщенный, опёнкоподобный человечек с погонами прапорщика сообщил скрипучим голосом гнома, что нас ожидает санобработка с последующей выдачей формы зимнего образца.

– Согласно уставу! – добавил сердито человек-опёнок, – направо за-мно́й-шагом-марш!

Стараясь идти в ногу, мы побрели за Грибным Прапорщиком по утоптанному до ледяной твердости снегу, разглядывая в суете начинающейся пурги мутные желтки прожекторов на крышах двухэтажных зданий.

Навстречу, мелкими группами и поодиночке, начали попадаться другие военные. Ясно было, что это солдаты, но выглядели они как-то странновато. Шапки их были квадратными, да к тому же ярко синими.

Тела квадратноголовых были наряжены в узкие черные куртки с поднятыми воротниками неизвестного меха, а ноги втиснуты в штаны, напоминающие более лосины гвардейцев времен Екатерины Великой.

Валенки имели отвороты, изукрашенные резными зубцами, что живо напомнило мне иллюстрации к сказке про кота в сапогах, где подобные отвороты украшали котовые сапоги.

Странно одетые солдаты смеялись радостно и, показывая пальцами на нас, кричали:

– Красноярск есть?! Туймадск есть?! Норильск есть?!

Но еще чаще они ликующе выкрикивали совсем уже загадочную фразу:

– Гуси, вешайтесь!!!

Метров через сто стало ясно, что гуси – это мы, и вешаться предстоит именно нам...

...Санобработка оказалась обычной баней. В предбанни-

ке нам было велено раздеться, свалив в кучу гражданское барахло.

– Ценные предметы гражданского гардеробу следует сложить отдельной укладкой для отправки вашим семьям по почте, – объяснил Грибной Прапорщик.

Подходящих вещей не нашлось ни у кого. По старой российской традиции в армию ехали в том, что не жалко выбросить.

– Все равно скоммуниздят, – объясняли нам перед призывом бывалые, отслужившие пацаны...

Все живо поскидывали вещи и принялись торопить одного отстающего, которым оказался хмурый парниша полтораметрового роста. Он медленно и крайне основательно складывал стопкой свое ветхое бельишко, не обращая внимания на суету вокруг.

– Эй, боец, давай поживее, – подскочил к нему Грибной Прапорщик.

– Я поживее не могу, – подумав секунд десять, ответил парниша.

– Это как так не могу? – изумился прапор, отвыкший от подобных ответов.

– Это так вот, что человек я такой, серьезный и основательный, – невозмутимо сказал коротышка, продолжая пристраивать мрачные носки на вершину бельевого стопочки.

– Надо же, – проскрипел Грибной Прапорщик, – Какой ты солидный! Фамилия?

– Батюков. И чё? – ответил полутораметровый.

– Через плечо, – тонко сострил прапорщик, – ты прямо министр какой-то, Батюков! Атаман и предводитель. Гоно-ру имеешь много. А ну, встать, Батюков! Мать твою через ехидну, в три просвета с разгону!

Парниша вскочил, чем вновь заставил оторопеть товарища прапорщика.

– Что же это такое... – растерянно пробормотал прапор, упершись тяжелым взором в нечеловеческой величины и корявости мужское естество молодого бойца.

Мы сгрудились вокруг. Действительно, от такого зрелища всех взяла легкая оторопь.

– Как же тебя призвали-то, Батя? – спросил кто-то из толпы, – ходить-то не мешает?

– Доктор на призывном сказал, что я в корень пошел, – объяснил Батюков. – Да и в леспромхозе мы больше на лыжах, широким шагом. Ходю себе, ничего... – и Батя добродушно улыбнулся, явив отсутствие двух верхних зубов.

– Ладно, хлопцы, – сказал Грибной Прапорщик, – хорош пляться на пацана. Каким его мамка уродила, таким он для Красной Армии и сгодится, на страх супостату. Весь целиком. Айда мыться.

У входа в мыльный зал нас уже караулил старослужащий фельдшер Аркаша. Как и встреченные нами по дороге солдаты, он был в синей квадратной шапке и ушитых до лосиной узости бриджах. Аркаша производил первичный медосмотр,

а именно – спрашивал всех громогласно и весело о наличии мандавошек, причем ответов не слушал вовсе.

Парная оказалась заперта на ключ. Аркаша пояснил, что парная полагается только товарищам офицерам и туда не пускают даже дембелей. Горячая вода не каждый раз. Это сегодня дали по-ленински кипяточек, исключительно в честь молодого пополнения гусей...

Фельдшер, похохатывая, расхаживал между нами полностью одетый и даже в валенках на резиновом ходу. От него изрядно пахивало козлом.

Один из наших сотоварищей, получивший еще на призывном пункте, за добрый нрав и врожденную интеллигентность, прозвище Чучундра, обратился к Аркаше с вопросом. Не снявший тяжелых очков даже в бане, Чучундра поинтересовался вежливо, не желает ли товарищ военфельдшер помыться. Ну, раз уж представилась такая возможность – горячей водой.

– Еще чего! – захохотал Аркаша. – Я – дембель! А дембель должен быть толстым, грязным, веселым и ленивым!

(Необходимо заметить, что фельдшер вполне соответствовал собственному определению).

Услышав это, стриженный наголо, с бешеными синими глазами призывник, или точнее сказать, с сегодняшнего дня – гусь, повернулся ко мне.

– Верю! – сказал он пафосно, – верю, братушки, что с сегодняшнего дня нас всех ожидает новая, необычайно инте-

ресная жизнь, о которой мы не могли и мечтать!

Тут один из его дружков с татуировкой AC/DC на плече и шрамом через бровь, вылил златоусту на голову таз воды и прервал высокую речь.

Отфыркавшись, говорун представился:

– Панфил. Это погоняло! (затем он назвал свое имя) Я из Дудинска. Будем знакомы?

– Бабай. Из Туймадска. (я тоже назвал имя) Знакомы будем. Мы пожали друг другу мокрые руки.

2

...Через полчаса нас, переодетых в новенькую, пахнущую креозотом форму, отвели в учебную роту два сержанта, Нахимов и Рязанов. Именно там, в учебке, в течение полугода нам предстояло осваивать некие секретные военные умения, о которых нам пока не говорили.

...Место это называлось «бытовая комната». Бытовка. Стены ее были украшены пугающими черно-зелеными плакатами. Изображенные на них, похожие на покойников, солдаты с восковыми лицами, в пять приёмов наматывали белоснежные портянки. Другие плакаты поясняли, как пришивать к форме погоны, петлицы и прочие шевроны. Всё было размечено по миллиметрам. Неточности не приветствовались.

Отдельно поражал воображение плакат, иллюстрирующий процесс подшивания подворотничка. Великая премудрость заключалась в том, что шов являлся секретным, а нитки не должны были быть заметны снаружи.

В бытовке сержант Рязанов бросил на стол сверток белого ситца и заорал:

– Вот подшивка!!! Там иголки!!! Здесь нитки!!! Подшивайтесь!!!

– А как это, простите, подшиваться? – спросил интеллигентный Чучундра.

– Так мы вам покажем!!! А тебе, гусяра, особенно!!! – заорали хором Рязанов и Налимов.

И они нам действительно показали...

Сержанты выдали нам огромные иголки и выкатили на столы три великанских катушки, черную, белую и зеленую. С сегодняшнего дня три этих цвета заменили нам все цвета радуги. Мы превращались в черно-бело-зеленых дальтонов на два ближайших года. Процесс пришивания и подшивания начался. Дело шло верно, но очень уж медленно. Кровь из исколотых пальцев пачкала нитки. Пришив одну из деталей, следовало предъявить её для осмотра сержанту. Тот, взяв деревянную замусоленную линейку с чернильной надписью «ДМБ-83», производил тщательное измерение и, найдя неточность, отрывал к черту, пришитое.

При этом сержант восхищался:

– Прекрасно сделано! Но можно намного лучше!

Около часа ночи солдат, запомнившийся мне в бане тухлой АС/ DC, осторожно поинтересовался у товарища сержанта, когда же мы пойдем спать.

– Боец! – радостно закричал сержант Рязанов, – солдаты никогда не спят! Солдаты иногда только отдыхают.

– Ну, когда тогда отдыхать? – не унимался татуированный. – А то меня ещё с проводин плющит, как черепаху.

– Так скоро уже отдыхать, – обнадежил нас сержант Налимов, – вот все пришьете и отбой.

Закончили мы в три часа ночи. Еще какое-то время сер-

жанты учили нас наматывать портянки красиво.

– Намотано правильно. Но не красиво, – говорил Налимов, – необходимо перемотать. Вы же, гусяры, в Красной Армии. А красная – значит красивая. В армии красивым должно быть все. И душа, и мысли, и лицо... и портянки. Корооче – перемотать!

Наконец, настал долгожданный час отбоя.

– Настоящий усталый солдат укладывается за сорок пять секунд, – объяснил нам сержант Рязанов. – Если боец не успевает отбиться за сорок пять, значит, он недостаточно устал. А если ещё не устал – продолжаем тренироваться.

– Рота! Сорок пять секунд, отбой! – закричал Рязанов. Через короткое время стало совершенно ясно, что мы еще не вполне устали, поскольку уложиться в отведенное время не удавалось никак.

Рязанов зажег спичку, сказав нам, что горит она сорок пять секунд. Ясно дело, что никто ему не поверил. Но временем, впрочем, как и пространством в учебной роте заведовали сержанты.

– Быстрее, пальцы жжет, – кричал Рязанов, удерживая пылающую спичку за самый кончик.

Но мы все равно не успевали.

– Он их, сука, бензином пропитал, – шепнул мне Панфил, – горят довольно быстро...

Раз за разом мы строились в коридоре и неслись в кубрики, сшибаясь между собой, подковывая голени товарищей

неразношенными кирзачами. Отбиться вовремя не удавалось никак. Каждый раз кто-то не успевал и сержант Рязанов, спаливший уже весь коробок, мяукал противным хриплым тенорком:

– Не успеваем!

А сержант Налимов подвывал на октаву ниже:

– Отставить! Рота, строиться в коридоре!

Было очень обидно, что последним, неуспевающим виновником очередного колеса этой чертовой мельницы, всякий раз оказывался кто-то другой. Поэтому невозможно было даже изматерить конкретного бедолагу.

Старинный философский постулат о том, что все виноваты во всем, обретал неожиданное реальное воплощение в непобедимой Советской Армии.

Именно этой мыслью я поделился с Панфилом, на бегу к заветным койкам, после того, как наши бритые головы столкнулись, произведя кегельный звук. Панфил отреагировал сразу. Потирая ушибленную башку, заглянул мне в глаза и спросил подозрительно:

– Стихи пишешь?

– Пописываю, – смущенно пробормотал я, набирая скорость для очередного прыжка в койку.

– И я пишу! Я поэт! – крикнул Панфил, обрушиваясь на скрипящие пружины.

На это раз каким-то чудом мы все вписались в заветные сорок пять секунд. Сержанты пожелали нам покойной ночи.

Прозвучало это так:

– Спать, гуси! И чтоб ни звука!

Но нам было уже все равно.

...Через пару минут я понял, что спать мне не хочется совершенно. Большинство моих товарищей на ближайшее двухлетие храпело мерно и ровно. Но некоторые, как и я, видимо от обилия впечатлений, еще не закемарили.

– Эй! Кто покурить? – раздался свистящий шепот с соседнего второго яруса.

Я поднял голову. Чувак с наколкой АС/ДС призывно помахал пачкой «Стюардессы».

– Пошли, покурим, – принял я приглашение.

Стараясь не скрипеть, я сполз с кровати и босиком прокрался в туалет вслед за АС/ДС. Вскоре там оказались и Панфил с Чучундрой.

– Я не курю, – поеживаясь и переминаясь с ноги на ногу, пробормотал Чучундра, – но мне почему-то совершенно не спится, друзья мои...

АС/ДС, которого Панфил называл Джаггером, чиркнул спичкой и дал всем огня. Мы затаились, а Чучундра просто вздохнул.

– И такая хренотень – целый день. Будем бегать, как тюлень и олень, – сплюнул Джаггер, умащиваясь на деревянном подоконнике.

– Два года так, чуваки, прикиньте! Трепать мой лысый череп! Два! Года!

– Да уж, Джаггер! Это тебе не в вокзальном кабаке шизгару лабать, тут материя иная, – произнес Панфил, – ну, да не сдохнуть же нам здесь. Я лучше вам стихи почитаю.

– Давай, – обрадовался Джаггер. – Я тоже почитаю: «Я поэт, зовусь я Цветик, от меня вам балалайка!»

– Ну, подождите, – влез некурящий Чучундра, – дайте ему прочесть, пожалуйста. Наш новый мир так груб...

Панфил вышел на середину сортира. Одну руку он отвел в сторону, другую упер в бок. Выданные в бане рубаха и кальсоны были явно поэту велики, завязки волочились по полу.

– Стихи! – объявил Панфил. И начал читать, завывая немного но, в общем, вполне художественно...

...Луч солнца облака порезал до крови...
Банально начал я, но все же – это чудо!
И вспомнил вдруг о тех, кто ждет еще вдали,
И тут подумал я, что ждать они не будут...

Наверно мы слабы и даже злы порой,
Но кто осудит нас? Кто лучше? Лучше – нету!
А каждый негодяй – естественно – герой,
И каждый за себя, и всех несет планета.

Как крысы с корабля, который обречен,
Хотим бежать, но нет! Задраены все люки.
И каждый от себя навеки отлучён
И хочет разделить с другими свои муки.

А тем, другим, давно, совсем не до него —
У каждого свое. Едино только время.
Я жду и не дождусь, мгновенья одного —
Чтоб кто-то твердо встал ногой в стальное стремя.

Пришпорить и погнать, таясь под маской зла,
Чтоб встрепенулся мир, разгромлен и терзаем...
Быть может, хоть тогда очнемся ото сна,
Быть может, лишь тогда мы что-нибудь узнаем...

Не стоит тратить сил, усилия смешны...
Зачем же вновь и вновь тоску в себе разводим?
Когда нам говорят – вы больше не нужны!
Мы отвечаем им – спасибо! И уходим.

После стихов мы перекурили еще раз. До подъема оставалось полчаса. Понимая, что уже ничем не сумею уснуть, я улегся на прохладную, воняющую хлоркой простыню.

И как-то сразу ощутил в руке колючую пеньковую веревку, другой конец которой был переброшен через дубовую почерневшую балку и завязан скользящей петлей.

В петлю была просунута голова сержанта Рязанова. Он жалко молил о пощаде. Я потянул веревку. С необычайной легкостью сапоги Рязанова отделились от земли, и он затрепетал в петле.

– Один готов, – сказал я сам себе, – а где второй?

Сержант Налимов уже бежал к виселице широкими

прыжками. Он весело просунул голову в петлю, откашлялся и закричал каким-то сатанинским голосом:

– Рррррота! Пппподъем!!!

Я дернул веревку, надеясь удавить и этого гада, но он продолжал кричать...

Грохоча, посыпались с двухъярусных коек тела в кальсонах. Я понял, что это не сон, уже просовывая ноги в сапоги. Начинался новый день, и лик этого дня был сер и неулыбчив.

3

...Учебная рота являла собой одноэтажное деревянное здание. Судя по всему, лиственный брус хорошо просох на тундровых ветрах и морозах.

– Сгорит, если что, минут за двенадцать, – гордо сказал вместо приветствия командир учебной роты майор Мухайлов, вкусно дыша на нас водкой с салом.

Он произнес это так уверенно, словно не раз уже сжигал подобные строения и отмечал при этом время.

– Так что, бойцы, в случае чего – ничего не спасать и не пытаться!!! Хер с ними, с сейфами, с документами и с оружием. Спасаться самим, прыгать к грёбаной матери в окна. Окна выбивать тумбочками. Табуреты для этого не предназначены – легковаты. А не то поспораете к ебням, а потом снится мне будете на старости лет. А мне это на хер не упало! Вольно! Разойдись.

Майор Мухайлов был настолько убедителен в своей речи, что у нас не осталось ни малейшего сомнения в его намерениях. В одну из ближайших ночей, он лично, с керосином и спичками, подпалит ненавистную учебную роту.

...Между интеллигентным Чучундрой и ресторанным рок-н-рольщиком Джаггером завязался спор на тему: можно ли с первого раза высадить тройную раму солдатской тумбочкой.

Чучундра сомневался, уверенно аргументируя такими терминами, как квадрат массы тела и ускорения. Объяснял, что потенциальная энергия неизбежно переходит в кинетическую с выделением энергии тепловой.

Джаггер, энергично жестикулируя, оппонировал. Показывал руками, как именно он ухватит эту злосребучую тумбочку и захреначит её в окно, да так, что все долбанные-передолбанные рамы повылетают к хвостам собачьим. А если вдруг нет – то он их ногами размудохает и спасет и себя, и Чучундру, и остальных. И чтоб тот даже не сомневался...

Мы с Панфилом слушали, разинув рты.

– Бабай, да тут серьезные пацаны собрались, – толкнул меня в бок Панфил.

Я тоже толкнул его – слушай, мол, дальше; чуваки дело говорят... Чучундра принялся объяснять принципы деления алябильных частиц в мезонном поле. Джаггер начал примериваться к тумбочке, чтобы практически подтвердить свою невнятную теорию «захреначить с оттягом, да и все дела».

На шум начали потягиваться любопытные бойцы. Точку в споре поставил Батя.

– У нас в леспромхозе, – сказал он – сгорела лесопилка. Сгорела она под седьмого ноября, а узнали только под Новый год. Потому что бухали все. И сторожа там же нашли. В золе-то. А все думали, где он? Чего со всеми за революцию не пьёт? Может, троцкист? Но тут уже как раз Новый год, и снова все шары позаливали... Ну, не то чтобы забыли про

лесопилку, а просто дизельная тоже сторела вместе с дизелем. Уже не до лесопилки было... А вы говорите – тумбочка. Тумбочка не поможет, бухать меньше надо! – и Батя строго посмотрел в ту сторону, куда удалился поддатый майор Мухайлов.

Сержанты завопили кошачьими голосами:

– Рота, построиться! Стать смирно!

Это прибыл познакомиться с нами замком роты лейтенант Минусин.

Лейтенант вполне соответствовал собственной унылой фамилии. Всем своим видом он до удивления напоминал минус. Лицо его выражало глубокое недовольство окружающим миром.

Заполярное захолустье расстраивало его чрезвычайно. Неинтеллигентность офицеров и грубость солдат огорчали Минуса до глубины души.

Недостаток свободных женщин и однообразное, запорообразующее питание в офицерской столовой, печалило лейтенанта Минусина не на шутку.

Ко всему вдобавок он был вынужден служить в учебной роте, а значит, ему приходилось присутствовать на службе ежедневно.

– Вольно, – вяло скомандовал Минус. Он печально вздохнул и, набравшись сил, продолжил: – Бойцы... у-у-уффф... Вы будете нести службу, у-у-уффф, в условиях крайнего севера и вообще заполярья. Чему же вам, кони вы такие, пред-

стоит научиться? Чем, так сказать, вы можете быть полезными, у-у-уффф, родине?

Тут Минус снова вздохнул так тяжело, что стало понятно – ничем мы, кони этикие, не сможем быть полезными родине.

– Наша часть, – продолжил Минус унылым голосом, – относится к Главному разведуправлению. Ему же и подчиняется. Вам предстоит, после окончания учебной программы, заниматься, у-у-уффф, радиоразведкой.

Минус сделал паузу, видимо, что бы дать нам возможность прокричать «Ура», но тон его был столь трагичен, что рота молча переваривала сказанное.

– Занятия начнутся после завершения курса молодого бойца и принятия присяги. Всему необходимому вас научат ваши сержанты. Вольно, у-у-уффф... разойдись, – Минус закончил свою речь из последних сил и побрел восвояси.

На передний план выступили сержанты.

– Слыхали, гусяры, что Минус сказал? Научить! Сегодня забываем гражданскую дурь и заступаем в наряды. А завтра мы вас научим. Перекур пять минут!

И они нас действительно научили...

...Во время перекура Панфил принял знакомую позу и, затягиваясь папиросой, вместо запятых прочел:

...Пыль из-под наших ног уже легла,
И черта с два ее поднимет ветер.

Вчерашний день – сплошная пустота,
И каждый за себя еще ответит...

Колода карт просыпалась на стол,
Пасьянс не вышел, фокус не удался,
А самый сильный все же не дошел,
А самый наглый все-таки прорвался...

Судьба сошла с ума, и все горит.
Пустыня, хаос – души бродят где-то,
И памятником мерзости стоит
Ильич, в костюме вельветовый одетый...

Я слышу звон поломанных часов.
Последний шаг я сделал для кого-то,
И с воем стая бешеная псов,
Сметая все, рванулась на охоту...

Беги! Еще погоня далека!
Все впереди! Темно, луна не светит!
Пыль из-под наших ног уже легла,
И черта с два ее поднимет ветер...

4

...Нам объяснили, что такое дневальный. Он жужжит, как муха, и все делает неистово. Если дневальный не врубается – ему конец. Если дневальный толково шарит – он доживает до конца наряда весело и беззаботно.

Дневальный отвечает за порядок в роте перед дежурным по этой же роте. Тот в свою очередь держит ответ перед командиром. Над комроты стоит командир части. Того, если что, дрючит сам начальник ГРУ. А его при необходимости имеет лично Генеральный секретарь ЦК КПСС. Конечно, вся эта оргия состоится только если я, будучи дневальным, упущу засохший бычок, или забуду про пыль на выключателе.

...Я находился в самом низу этой пищевой цепочки, а компанию мне в тот незабываемый день любезно составил Чучундра.

Собственно, ни его, ни меня никто ни о чем и не спрашивал. Просто сержант Рязанов сказал:

– Бабай! Чучундра! Сегодня, тля, идёте дневальными по роте. Дежурным по роте иду я лично.

И добавил, видимо, чтобы нас ободрить:

– Вешайтесь!

Три кубрика, где спит, когда не работает, личный состав. Две учебных комнаты-класса, бытовка, ленинская комната

с телевизором и плакатами, призывающими служить еще лучше.

Туалет о шести унитазах, украшенный кафельным полом. Оружейная комната.

Все это пронизано длинным дощатым коридором. Коридор упирается в пожарный уголок. Красный, как знамя боевое, деревянный щит с баграми, топорами и лопатами.

Все новое-нулёвое, в свежей краске, блестит как в магазине пожарных принадлежностей.

Явно ничего тут давненько не горело, но вот, есть же пункт по этому поводу у нашего командира роты... как бы и правда не спалил. Имеется еще ящик с песком и на низеньком помосте – три двухсотлитровых бочки с запасом воды. Туши – не хочу.

Мы с Чучундрой должны намывать и полировать все это хозяйство в течение ближайших суток. Потом нас поменяет очередная пара нечистых.

При этом почти все время один из дневальных обязан стоять на тумбочке. Тумбочка – это особенное военное изобретение, этакая помесь высокого столика и небольшой кафедры.

В тумбочке хранится список личного состава, написанный карандашом на куске пластика. На нем отмечено: кто, где, по какой надобности и куда отправлен.

Если в роту заходит офицер, дневальный дурным голосом обязан прокричать заклинание: «Рота, смирно! Дежур-

ный по роте, на выход!»

Если заклинание выкрикнуто как полагается, то вошедший офицер может сохранить доброе расположение духа и отдать команду: «Вольно, не ори!»

В случае же немолодцеватого, ленивого выкрика офицер немедленно заставит кричать еще раз, а после непременно вздрючит дежурного по роте. А тот немедленно убавит здоровья дневальному с помощью простых физических упражнений.

Хуже всего, если недовольный офицер окажется сукой, что не редкость, и прикажет доложить командиру роты. Тогда можно тут же, не сходя с места, получить еще два наряда. А это значит, что вместе с нарядом текущим, нерадивый раздолбай не будет спать трое суток подряд.

Конечно, согласно уставу дневальному полагается отдых, но этот пункт в уставе вызывает у военных только здоровый смех.

– Спать будете на гражданке, гусяры! А в армии спать некогда! Ну, зашуршали, арлекины! – так напутствовал нас сержант Рязанов.

И мы зашуршали.

Личный состав роты был построен и выведен сержантом Налимовым.

– Идем на ознакомительную прогулку на свежем воздухе, – пояснил он.

– Ну вот, все на прогулку, а мы дневальными, – огорчился

Чучундра.

– Зато в тепле, – утешил я его.

Нужно отдать должное нашему сержанту, часть работы он сразу взял на себя. Мы побежали вытирать пыль, а сержант занял место на тумбочке, усевшись на табурет, что собственно, строго уставом воспрещалось.

Рязанов не рискнул доверить нам тумбочку, видимо не желая огребать люлей от офицеров за неверно поданные команды. Мы были еще слишком неопытные гуси, и полагаться на нас он не желал.

Чтобы обезопасить себя от внезапного прихода товарищей офицеров, Рязанов привязал к батарее у входа малохольную овчарку-кобеля по кличке Курсант.

Псина была совершенно дурной, но каким-то невероятным образом различала шаги рядовых и офицеров. Когда кто-либо из начальства приближался к входу снаружи, Курсант дважды гавкал, а Рязанов вскакивая с табурета, прятал в тумбочку латунную круто изогнутую пряжку. Бляху эту он полировал на дембельский ремень.

На рядовых Курсант не реагировал вообще.

...Уборка в армии производится очень просто. Сверху вниз. Сперва пыль, потом полы. Все это моется дважды в сутки, как только завершается первый цикл, тут же начинается следующий.

Этот процесс буквально захватывает и здорово расширяет сознание. К концу наряда гуся обыкновенно настигает буд-

дистское равнодушие к мирской сущности.

Больше всего мы с Чучундрой опасались помывки туалета, но это оказалось пустяком. Туалетом в роте никто не пользовался, именно поэтому унитазаы и кафель сверкали белизной и первозданной свежестью. В туалете можно было только курить.

Настоящий же сортир находился метрах в двадцати снаружи. Это было некое подобие деревянного неотапливаемого сарая с живописными дырками в полу. Под дырами были установлены железные бочки для сбора, так сказать, урожая. Клозет был соединен с ротой деревянным же коридором, который сержанты называли галереей.

Особая дверь из теплого белого гражданского туалета вела в холодную галерею и далее в сортир-сарай с дырками, бочками и температурой, равной заборной. Мыть там было невозможно, да и не требовалось. При минус сорока все и так замерзло на ходу.

Рязанов сообщил нам, что галерея и внешний сортир-холодильник вне сферы нашей уборки. Чучундре же, неосторожно поинтересовавшемся, кто же те несчастные, приводящие в порядок галерею, сержант туманно ответил:

– Не суйся, тля, гусяра, а то ты там порядок наведешь.
Также не нужно было мыть оружейку, ибо она была запер-

та, печатана и подключена к сигнализации, чтобы солдаты не перестреляли друг друга и командиров.

Собственно, нам оставалась сушая ерунда. Мы протерли пыль и взялись за швабры. Рязанов терпеливо ждал, когда мы закончим. Мы были чрезвычайно довольны, завершив уборку. Не так уж все оказалось и страшно. Сделали все, и есть еще время отдохнуть. Мы по очереди сбегали на обед и вернулись, предвкушая отдых и похвалу.

Сержант Рязанов вынул из кармана беловатый платок и пошел по кубрикам, проверяя следы пыли на тех местах, куда он мог дотянуться. Очень быстро платок посерел, поскольку верхние части дверных плинтусов и заглушки электрических выходов мы опрометчиво упустили.

– Вы что же, гуси? – удивился сержант, – расстроить меня хотите? Хотите, чтоб я огорчился? Чтоб мне люлей за вас навтыкали? Разве вы этого хотите?

– Никак нет, товарищ сержант, – хором ответили мы, а Чу-чундра добавил с чувством:

– Извините нас, пожалуйста! В следующий раз мы все уберем как нужно.

– Конечно, уберете, – разулыбался сержант, – вот прямо сейчас и начинайте! Ну, тля, бегом, монстры! Сгною в нарядах!

Мы сделали всю уборку сначала. На этот раз сержант обратил внимание, что пол мы мыли швабрами.

– Как же это я сразу не заметил, – сокрушался он, – шваб-

рами ведь у нас никто не моет. Даже не знаю, как они еще сохранились. Швабра – это же вчерашний век. Канныализм!

– А чем же мыть? – спросил я, предполагая, что нам выдадут специальные боевые полумойные установки цвета хаки и на электричестве.

– Чем мыть? – переспросил Рязанов, – да вот же чем! Вот же они у вас мудаков, по обеим сторонам висят, руки называются. Руками мыть. Вперед! Бегом, арлекины, время идет, а ничего не убрано!

...Вернулась наша рота с прогулки на свежем воздухе. Никто не выглядел хорошо отдохнувшим. Панфил с Джаггером рассказали заплетающимися языками, что до обеда рота перебрасывала снег с левой стороны дороги на правую, а после обеда возвращала перекинутый снег обратно.

От бойцов валил паровозный пар, шапки и воротники обросли инеем, как морды зимних лошадей.

Солдаты принялись было раздеваться, но опытный сержант Налимов построил их, приказав рассчитаться по порядку номеров. Одного не хватало...

– Млядь! Так я жопой и чуял, – гордо сказал Налимов, – прямо чуйка у меня была, что потеряли кого-то.

– Батю потеряли, – заорал Джаггер, – молодец Батя, догадался свалить с этой лавочки! Я следующий!

– Куда ему, дураку, бежать? В тундру песцов кормить невымытым телом? – рассудил Налимов, давая Джаггеру легкую плюху за длинный язык.

– Не, он гаденыш, где-то в тепле пришипился. Найду – нарядами задрючу падлу.

– Может, его прапорщицы с узла дешифровки похитили? – завистливо предположил сержант Рязанов. – С его-то хозяйством могли не устоять. Вся часть уже про его мудя базарит, всем растрепал Опенок-то.

– Чтоб только тебя не похитили, – оборвал небрежно коллегу Налимов, – кому он сдался, недомерок.

И заорал:

– Рота, на выход, ищем Батю! Пока не найдем, отбоя не будет!

По счастью, Батю нашли через пять минут. Он попросту задремал в сугробе, и его случайно присыпали снегом.

По пути в роту Джаггер успел пару раз сунуть Бате под ребра, чтоб проснулся. Дознание, устроенное сержантом, злого умысла и тем паче попытки дезертировать не обнаружило.

– Сомлел я, братцы, – бормотал Батя, раздирая рот корявым зевком, – сомлел совершенно, ну и прикорнул на снежку-то, мягко. Как на перине.

От услышанного сержант Налимов даже растерялся.

– И что, не холодно было, гусяра? – спросил он.

– Так я привыкший, – ответил Батя степенно, – у нас в лес-промхозе, как дизельная сгорела, неделю так и спали. Как ведмедя.

Налимов обозвал Батю заполярным клоуном и повел роту

в ленкомнату писать письма родителям.

– Чтоб не потеряли вас, долботрясы. А то Дядя Ваня шкуру с меня спустит.

– Кто такой Дядя Ваня? – спросил меня Чучундра.

– Не знаю. Не все ли равно. Зато мы в тепле, – ответил я, и мы принялись перемывать пол руками.

Так действительно получалось намного чище, поскольку объект мытья был прямо под носом. Правда, немного болела спина.

– Ничего, Бабай, – утешил меня Чучундра, – теперь уже ему, черту, придраться не к чему.

Черт сержант Рязанов и не думал ни к чему придираться.

– Вот теперь уже лучше! Другое дело, ведь можем когда хотим, – сказал он сдобным голосом, – скоро закончим, а то устал я с вами. Ну вот. А теперь я вас научу мыть пол по-настоящему.

И он нас действительно научил...

Сержант Рязанов, не спеша прошел в пожарный уголок, оперся спиной о стену и ногами одну за другой опрокинул все три пожарных бочки.

Шестьсот литров мутной воды понеслось по коридору.

– Совместный советско-японский метод, – пояснил нам Рязанов, – полярное цунами. Что стоите? Взяли тряпки и вперед на борьбу со стихией.

До утра мы с Чучундрой ликвидировали природную японскую катастрофу.

Выяснилось, что Чучундра, человек с высшим, хотя и не вполне оконченным образованием, попавший в армию лишь благодаря нелепой случайности и группе «Пинк Флойд», умеет очень точно излагать свои сокровенные мысли.

Собирая тряпкой пожарную воду и елозя по крашеным доскам мокрыми коленями, Чучундра шепотом, в рифму и с деепричастными оборотами, сообщил, кем на самом деле является сержант Рязанов, его мама, папа и прочие родственники до седьмого колена.

Досталось и японскому императору за милитаризм и отсутствие надежных методов борьбы с цунами.

Кроме того, Чучундра озвучил несколько возможных версий будущего пресловутого сержанта, и все эти версии были позорными и безрадостными.

Мы закончили уборку и наполнили вручную, ведрами злощастные пожарные бочки. Видимо для следующих дневальных.

После наряда нам удалось подремать полчаса.

Мне снилось, как я четвертую сержанта Рязанова и топлю жалобно кричащие четвертушки в пожарной бочке.

Сержант Налимов в эту ночь, наверно, снился персонально Панфилу и Джаггеру.

Сны наши освещало, мерцающее адскими сполохами, полярное сияние.

...На первом же перекуре в туалете Панфил заявил:

– Мне все понятно. Это конец. Но этот конец нужно просто перетерпеть всего один год, а дальше мы уже станем помазками – и всё. Аля-улю! Положим на всё с прибором! А сейчас, братушки, я почитаю вам стихи...

...Я раб
Своей
Рассохшейся галеры.
В плену людей,
Любви,
Долгов и веры.
Земли
Не видел я
Давным-давно.
Не плыть нельзя.
Куда?
Мне всё равно.

Уже
Века
В крови мои ладони.
Как помощь не зови —
Я не был понят.
Они – почти
Такие же, как я —
Ушли.
В душе не пожалев меня.

В душе?

Ах, право,
Жалость унижает.
Меня уже ничто не утешает.
Я буду тронут —
Бросьте для прикола
Бутылку рому
Полную по горло
С высоких палуб
Ваших кораблей.

Я был обманут —
Уплыву скорей...

Плыви,
Руби волну,
Моя галера.
Пойду ко дну —
Верна ли будет мера
Для бед моих,
Усталости и лжи?

А напоследок,
Мой читатель грешный,
Обремененный юностью неспешной,
Прошу тебя, посмейся от души...

...Постепенно военный туман начал рассеиваться в нашем сознании. Становилось понятно, что и как устроено в нашей части.

Мы, молодые солдаты, начинали службу гусями. Через некоторое время нам предстоялоделиться на гусей шарящих, то есть сметливых, и нешарящих – то есть совершенно бестолковых и никчемных.

Всю черную работу в части естественно выполняли гуси, но гуси шарящие при этом избегали, как правило, коротких, но внушительных репрессий. Судьбе же нешарящих гусей можно было лишь посочувствовать. Но им не сочувствовал никто.

Коллектив сколачивался железными костылями круговой поруки. Из-за одного залётчика вся рота могла отжиматься до утра и, завершив спортивные упражнения, товарищи быстро и дружески внушали коллеге уважение к коллективу на первом же перекуре.

В перекурах участвовала вся рота. Тридцать человек набивалось в курилку, роль которой исполнял теплый, неиспользуемый туалет.

Это был наш остров свободы, там можно было расслабиться и по-настоящему вздохнуть полной грудью, поскольку при выходе из курилки полагалось застегнуть крючок под горлом

и затянуть ремень «по голове».

Как-то раз в самом начале наших мытарств сержант Налимов скомандовал:

– Рота, перекур десять минут!

И очень удивился, увидев Чучундру, не нырнувшего в туалет, а спокойно подпиравшего стенку.

– Я же не курю, товарищ сержант, – гордо сообщил Чучундра, рассчитывая возможно даже на какое-то поощрение.

Награда не заставила себя долго ждать.

– Не куришь? Молодец! – восхитился Налимов, – значит спортсмен. Так чего стоишь? Давай на турник.

Пока рота курила, наслаждаясь коротким забвением, Чучундра корячился на турнике, пытаясь подтянуться хотя бы раз.

Уже через неделю он первым кидался в туалет по команде «перекур», залихватски продувал папиросу, сминая гармошкой гильзу «беломорины» и курил, перекидывая ее во рту, как заправский урка.

Еще через пару недель Чучундра мог грамотно провести дискуссию о неоспоримых достоинствах «Беломора» фабрики имени Урицкого против папирос фабрики имени Клары Цеткин.

Чучундра пускал папиросный дым толстыми облаками, а Панфил читал нам очередной опус...

...Не накativ – не напишу ни строчки...

Я опустился или выше стал?...
Строф недопетых медленные точки
Заклёпками вошли в страниц металл.

Мне Муза подает портвейн в стакане.
Спасибо, крошка, выпей! – Не хочу.
Я осознал – я капля в океане
И новому людей не научу.

Все клонится к закату – жизнь, удача.
Судьба, как полуспившаяся дрянь.
А раньше было все совсем иначе...
Осталось ли в бутылке, Муза, глянь!

Давай уж до конца, сейчас забудусь.
Ты сны мне навевай и песни пой.
Я написал очередную глупость.
Ты слышишь, Муза? Где ты? Чёрт с тобой...

...Узнать гуся было просто. Военная форма его, даже если подходила по размеру, все равно сидела как-то нелепо. Шапка была бесформенна и не надета, а нахлобучена. Изпод шапки торчали уши. У гусей они почему-то всегда торчали.

Гусь всегда очень чисто выбрит, иногда даже дважды в день и до царапин на морде, ибо горе ему, если на утренней или вечерней проверке обнаруживалась щетинка.

Выражение лица гуся однообразно, типа: «А чё я не так

сделал-то?»).

Крючок на воротнике кителя вечно застегнут. Ремень затянут «по голове».

Делалось это так. Длина ремня выбиралась по окружности затылок – подбородок. На ремне создавалась отметка и, опа! – солдат оказывался затянут рюмочкой.

Бляха сияла, как котовы яйца. Бог его знает, как они там сияют на самом деле, но именно это выражение употребляли офицеры, а за ними и сержанты, желающие описать что-то нестерпимо яркое.

Далее шли бриджи, обычно слишком просторные в верхней своей части и слишком узкие и короткие внизу.

Завершали образ до одури начищенные вонючей ваксой кирзовые сапоги, которые не искалечили бы ноги только Мересьеву.

Так вот. Через год любой гусь неизбежно становился помазком или, что совершенно то же самое – черпаком. Инициация производилась двенадцатью ударами ремня (а именно латунной пряжкой) по заднице.

После чего обильно распивалась водка, заранее принесенная новообращенными из самохода. Принимались поздравления от дедов и дембелей и приобретались все права полноценного Воина Арктики.

Черпак (он же помазок) принимал бразды правления. Отныне он руководил свежепризванными гусями, он вдохновлял их на труд и на подвиг, он кричал им: «Вешайтесь!» точ-

но так же, как кричали ему самому ещё год назад.

Разумеется, страшнее остальных зверствовали именно те, кто, будучи гусями, больше всех зарекались и возмущались: «Вот дотяну я до черпака, никого пальцем не трону! У меня-то гуси будут жить как люди».

Свежевылупившийся черпак-помазок в первые два-три дня обязан был перекроить свою внешность полностью. Все, до последней нитки, должно было отличать его от презренного гуся.

Как гусеница окутывает себя коконом, чтобы раствориться в себе самой, и завершив метаморфозу, вернуться прекрасной бабочкой, так и черпак, лепит себя заново.

Замполит учил нас, что материя первична, и что бытие определяет сознание. Поэтому, не изменив форму, невозможно стать полноценным, нахальным, ничего не боящимся черпаком.

Солдатская арктическая шапка ушанка имеет длинные уши. Черпак безжалостно укорачивает их, как уши породистого щенка.

Далее уши сшиваются и теперь невозможно опустить их даже в самый лютый мороз.

Но страшен ли мороз черпаку? Пробыв год гусем, он уже ничего в этом мире не боится...

Итак, обрезанная шапка надевается на специальную, тщательно берегаемую от старшины, квадратную болванку. Берется сапожная щетка, и шапка щедро намазывается гутали-

НОМ.

Подождите, люди! Никто не сошел с ума – это технология, проверенная годами.

Шапка накрывается влажной марлей и яростно проглаживается раскаленным утюгом. Валит гуталиновый пар, несусветная вонь поражает ноздри, но кого можно напугать вонью в Советской Армии? Правильно, никого!

После процедуры марля сдергивается, как полотно при открытии памятника Ленину. И вот! Шапка теперь уже не похабно-сизого, с ментовским оттенком, цвета, а ярко синяя с благородной искрой, и совершенно квадратная. Не беда, что ее не очень удобно носить. Хотя шапуля и села на пару размеров, её можно надеть на затылок, как ермолку, или сдвинуть на умудренный солдатский лоб, как фурагу.

С кителем и бриджами черпак обходится просто и сурово. Все ушивается строго по фигуре и более напоминает не военную, но гимнастическую форму. Воротник перезаглаживается и поднимается стоечкой.

Крючок не застегивается никогда. В подшиваемый подворотничок закладывается отныне кусок толстого провода для придания объема и, кажется, что у правильного черпака на воротнике лежит жирная белая макаронина.

На кителе и бывших бриджах, скорее уже ставших лосинами, наглаживаются стрелки во всевозможных направлениях. Ходить без стрелок – не комильфо. Без стрелок ходят только гуси или чуханы.

Теперь сапоги. Вот где простор для творчества. Но сперва необходимо сточить или срезать выступающую часть подошвы.

Она выступать не должна. Ведь это сапоги черпака, а не какие-то лыжные ботинки.

Далее, любители каблучков и прочие коротышки набивают каблучки. О подковах, их форме, размере и весе нужно писать отдельный трактат. Некоторые любители добавляют толщину подошве. И тут вновь приходит очередь утюга.

Манипулируя утюгом и ваксой, умелый черпак достигает сразу двух целей. Сапог пропитывается и обретает непромокаемость, а также новую форму.

Немало часов было потрачено черпаками и помазками на обсуждение формы носков кирзовых сапог. В итоге две влиятельные, но разошедшиеся во взглядах партии постановили, что не запахло и так, и этак.

Отныне часть черпаков щеголяет в остроносых сапогах «а-ля казаки», а другая – попирает землю квадратноносыми, немецкого образца, прохорями.

Ко всему еще, обработанный раскаленной ваксой сапог не нуждается более в чистке. Да-да, именно так, он чистится снегом. Щетка умакивается в снежок, и через пару движений сапог сияет словно... (ну, про котовы яйца вы уже слышали).

Обычно в Заполярье довольно холодно, и солдату полагается еще и зимняя одежда. Это шинель (у нас ее носили все лето) и пошив. Если с шинелью все более или менее понят-

но, то объяснить, что такое пошив, просто необходимо.

А это такая теплая куртка, длиною до середины тощего солдатского бедра.

Пошив украшен воротником рыбьего меха, капюшоном и слюнявчиком. Слюнявчиком прозвали этакий специальный клапан-намордник, обычно висящий на груди под воротником, изнутри пошива.

Но если вдруг набегает пурга или крепчает мороз, то Воин Арктики закрывает морду слюнявчиком, поднимает воротник, натягивает капюшон и глядит презрительно на непогоду через узкую смотровую щель.

На пошив нашиваются крючки и после этого, он может застегиваться на любую сторону по выбору. То есть как бы на мужскую и на женскую.

Дело в том, что если задувает пурга в Тикси, то ветер всегда южный. И когда подразделение идет на боевое дежурство на свою площадку, пошивы застегиваются на правую сторону. А вот когда идут со смены – на левую. Делается это, чтобы по пути не надуло полную пазуху снега.

В комплекте к пошиву идут еще ватные штаны до груди и на лямках, а также валенки.

Если к ватным штанам черпак равнодушен, поскольку пользуется ими лишь в самую злую непогоду, то валенки он уродует весело и самозабвенно. Валенки загибаются резными отворотами, как ботфорты мушкетеров, раскрашиваются анилиновыми красками и греют солдатские ноги и души,

словно пряничные теремки на фоне скучного снега.

С шинелью вообще поступают просто. Она прошивается сзади и утрачивает навсегда способность служить солдату полноценным одеялом. После чего «шинель-матушка», как называет ее слегка слабоумный от пьянства Грибной Прапорщик Опёнок, расчесывается стальной щеткой для чистки лошадей.

В самой Москве, в ГУМе не найдете вы таких пальто, какие изготавливают черпаки из простых шинелей.

Нравится ли все это командирам? Ну, конечно же, нет. Могут ли они что-то с этим поделать? Ответ такой же.

Иначе, кто вообще будет нормально служить?

Солдат Советской Армии при желании может доставить сколько угодно хлопот своим офицерам. Лучше об этом и не думать, помилуй Бог!

Черт с ними с валенками, да шапками. Лишь бы, гады, служили.

И мы служили...

...Но продолжим.

Черпаку-помазку жизни всего-то полгода, он ведь потом превращается в дедушку.

А дедушка – это уже совсем другой крашеный коленкор.

Если черпак в азарте дурном службу тянет, старается, радуется, дурилка, что гусем быть перестал, нормативы сдает, значки мастерства воинского зарабатывает, то дедушка уже жизнь правильно понимает.

Дедушке обрыдло всё хуже сушеной картошки. На рожи шелудивые товарищей своих смотреть противно. Домой хочется, на гражданку. Не прёт его больше со службы.

И вот остывает дедушка. Гусей гонять перестает. Большой фигурный болт рококо вытачивает постепенно, и медленно кладет его на обязанности свои служебные.

Альбом делать начинает.

А ведь всем известно, что если уж человек альбомом дембельским занялся, то видал он всю Красную Армию в чёрном гробу и в белых тапочках. Так сказать, в цветах флага Германии до тридцать пятого года.

После приказа об увольнении в запас дедушка становится дембелем. А дембель – он уже и не солдат вовсе, а йетти какое-то.

Жрёт, спит, мыться ленится, и мыслей у него в голове совсем мало. Думает он только о проездных документах, ну и ещё о бабах. Но пока доживешь до помазка-черпака, дедушки-дембеля, семьсот потов прольешь, семь пар чугунных сапог стопчешь, а уж сколько раз в хобот получишь – и сосчитать нельзя.

Тут понимать службу надо, шарить...

...Мы шарящие гуси. Мы врубаемся с полуслова, нам, арлекинам, не нужно полтора раза объяснять.

Мы, это: я – Бабай, Панфил, Джаггер и Чучундра. В роте у нас вообще немало нормальных чуваков, но мы как-то привыкли держаться вместе.

До армии я валял дурака и санитарил в больничке. Мне нечего особенно рассказать о себе.

Панфил – поэт. По крайней мере, он убежден в этом, а мы всегда рады послушать его писанину.

Я, как любой начитанный юноша, иногда тоже пописывал. Панфил всегда снисходительно хвалил мои стихи, но мне самому казалось, что его вирши были как-то повиршистее.

– Ты, Бабай, еще ничего, нормально лепишь, художественно. Но ты давай, это самое, на глагольные рифмы не налегай. И хореем больше, хореем. Ямбом у тебя малость уныло получается, – так говорил мне Панфил и брал в руки убитую нашу, не держащую строй ротную гитару.

Под гриф, чтобы пресечь шатания, был подсунут карандаш. Панфил исполнял «Восьмиклассницу».

– Вот это рифма! – восхищался он. – Послушай: «конфетку ешь», «в кабак конечно»! Это вещь! – а у тебя что? «микроскоп-телескоп», а? Да и у меня, братушка, не лучше, – вдруг самокритично добавлял он, – даже еще и хуже «брат –

двоюродный брат». Те мы еще рифмачи а, Бабай?

И бил меня по плечу. А я в ответ бил по плечу его.

– Вас, мудозвонов, в смысле поэтов, легко узнать на пляжу по наплечным синякам, – сказал нам Джаггер.

В ответ Панфил встал в позу нерукотворного памятника и прочитал:

...Отрекитесь от слова «моё».

Позабудьте про светлую грусть.

Жизнь возможности вам даёт.

Пусть немного, черт с ними, пусть!

Я возможности брать не спешил,

Мне везло и без них всегда.

И закон для себя открыл —

Абсолютно все – ерунда!

Жизнь, как чашечка кофе, проста.

Лучше пейте, пока горяч.

Занимайте свои места —

Начинается Главный Матч.

Вот и форварды с криком: Ура!

Лупят мяч – не промажет никто.

Пусть в свои ворота игра —

Каждый сам за себя зато.

Бьют в ворота, друг другу грубя.

Я билет в кулаке держу
И болею сам за себя,
И один на трибунах сижу.

В этой дикой и странной игре
Я лишь в зрители выйти смог.
Пусть я гол не забуду. Но мне
Не отдавят бутсами ног...

...Панфил был настоящий работяга. До службы он вкалывал на каком-то железном комбинате, а кроме того играл на ритм-гитаре в рабочем клубе. К тому же у него осталась на гражданке девушка. Он постоянно строчил ей несусветно длинные письма и полагал жениться после армии.

– Поэт должен быть женат многократно, – так объяснял Панфил свою торопливость. – Чем раньше женишься впервые, тем больше раз успеешь жениться потом.

– Ты аморальный тип, – заклеил его Чучундра. – Женитьба дело серьезное, почти печальное, так даже Гоголь считал. К тому же у меня трое друзей женились. И после свадьбы ни один ни разу не улыбнулся. А с тебя все, как с гуся вода.

– А я и есть гусь, – захохотал довольный Панфил, – и ты, Чучундра, кстати, тоже!

– Ты Пушкина знаешь? – спросил Панфил загадочно.

– Ну?

– Так вот, Чуча (так он ласково звал Чучундру), Пушкин

был женат один раз. И к чему его это привело? А Лермонтов вообще не был женат ни разу. И что? Усек закономерность, Чуча?

– А Есенин сколько раз был женат? – коварно поинтересовался Чучундра, – И что? Помогло ему?

– Есенин бухал все время, поэтому и вздернулся, – влез в разговор Джаггер.

Во всех спорах, кроме собственных, он всегда поддерживал Панфила, видимо, из-за родства музыкальных душ.

Джаггер до армии был лабухом. Он, собственно, лабухом и остался, такую натуру не переделать. Где он только не играл в своем Красногорске и был способен изобразить всё, что угодно, от «Поспели вишни» до «Роллингов».

Если бы потребовалось описать Джаггера одним словом, то слово это было бы «кипяток». Соображал он быстро и лихо, а думать никогда и не пытался.

Во время думанья он остывал и прекращал действовать.

...Хорошие гитаристы ценятся в армии. Развлечений особых нет. А Джаггер был музыкантом-универсалом и не просил времени, чтобы подобрать мелодию. Просто играл ее на слух, да и все.

Поэтому Джаггер позволял себе дерзить всем подряд, и обычно ему это как-то сходило с рук. В особо горячие моменты мы с Панфилом утягивали Джаггера в тыл, а Чучундра вежливо объяснял, что тот имел в виду на самом деле, и конфликт разрешался.

Чучундра, постоянно поправлявший тяжелые очки на длинном носу, был самый престарелый и мудрый из нас. Шутка ли – МАИ за плечами. Правда, не весь. Вышибли его, беднягу, с последнего курса.

– Как-то нелепо все получилось, – рассказывал нам Чучундра, – сижу, значит, я на лекции в амфитеатре...

– Где сидишь? – обалдело перебил его Джаггер, – в амфитеатре? Где гладиаторы, что ли?..

– Да нет, – терпеливо продолжил Чучундра, – зал такой, для лекций. Полукруглый. Ряды вниз идут. Ну, как в цирке...

– В цирке я бывал, – удовлетворенно сказал Джаггер.

Чучундра продолжил:

– Так вот. Сижу, слушаю нудятину эту. Со сном боюсь. А на ряд ниже меня, двое активистов через наушники кассетный плеер слушают. Плеер «сони» на минуточку, из «Березки».

– Дык, ясен пень, Москва, столица, как по другому-то, – не унимался Джаггер.

– Конечно, ты-то дома только граммофон с Шаляпиным слушал, – парировал Чучундра и покатил свой рассказ дальше:

– Эй, комсомольцы, говорю, дайте и мне насладиться, что там у вас? Они мне наушники передали, слышу: «Пинк Флойд», «Стенка». Погромче, говорю, сделайте. Сделали. Сижу – наслаждаюсь. И тут смотрю я, лектор наш, профес-

сор Гироскович, на меня посматривает. И посматривает как-то нехорошо. Пристально. Я активистам тихонечко говорю: «Комсомольцы, прикройте-ка меня от этого мудилы. Что-то он на меня вылупился, как жопа на ёжика». То есть, это я думал, что говорю шепотом. Когда в ушах-то «Пинк Флойд»... Короче, я это на всю аудиторию сказал. Весь курс слышал. Мне потом многие руку пожимали, потому что Гироскович на самом деле тот ещё мудила. Одна проблема – мудила с хорошим слухом. В двадцать четыре часа меня приказом по институту шуганули. Правда, с правом восстановления через год.

Ректор, как выяснилось, профессора этого тоже не любил. А вот «Пинк Флойд уважал». Но военком наш шустрее оказался... И вот я с вами, друзья! Лицезрю ваши рожи! – патетически закончил свой рассказ Чучундра и плюнул на очки, чтобы протереть их...

– Рота! Строиться! – прокричал сержант Налимов, – Будем чистить оружие!

...Оружие мы чистили ежедневно.

Похабник Джаггер утверждал, что этот процесс своей периодичностью и особенно конечным результатом напоминает ему мастурбацию.

Стрелять нам пока не давали.

– Не стреляли, и не будете, – разбил наши надежды сержант Рязанов, – мы тут за всю службу по четыре раза отстрелялись. Не для того вас, арлекины, призывали, чтоб вы патроны жгли. Вот пакля, вот масло. И чтоб блестело, как... (ну, про ката вы уже знаете).

Мы разобрали автоматы из оружейки и, расчленив их, принялись полировать масляной паклей вороненные потертые детали.

– Скоро начнем в караулы ходить, – сообщил Панфил.

– Да уж, смотри, как бы не на кухню, – остудил его Джаггер, – на кухню-то мы быстрее попадем.

В учебной роте было принято формировать караульные наряды из более-менее шарящих гусей. Остальные бедолаги закрывали наряды по кухне, наиболее тяжелые и грязные.

В караулы из учебной роты пока никого не брали. Мы все ходили только на кухню или дневальными. И то, и другое

было совершенно омерзительно, но в наряде по кухне можно было еще нарваться на неприятности с чужими черпаками, которые, как молодые акулы, были рады любой добыче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.